дали иную почву для почитания животных. Автор подчеркивает, что постоянно «происходило переосмысление прежних верований и традиций, их приспособление к новым воззрениям и потребностям общества» (с. 135).

Специальный раздел второй главы посвящен верованиям осетин, связанным с громом и молнией, с землей, водой, растениями. Привлекает внимание особое значение березы — дерева, почитавшегося также у многих народов Сибири и Восточной Европы.

В небольшой третьей главе собраны и проанализированы сведения о культе фамильных и общинных покровителей. Здесь приведен крайне интересный материал о почитании огня и очага, надочажной цепи и центрального столба жилища, которые у осетин рассматривались как хранители счастья и благополучия семьи. Многие семьи имели у себя различные почитаемые предметы (например, древнюю саблю или камни), сохраняемые как дорогие талисманы. Автор сообщает и о больших камнях-фетишах, расположенных на святилищах, принадлежащих тому или иному селению. Жаль, что в эту главу не включен обильный для Осетии материал о святых — покровителях селения или общины.

Последняя, четвертая глава книги посвящена пережиткам магии в традиционном быту осетин. Вслед за С. А. Токаревым автор считает, что «магические обряды и верования имеют разные корни и связаны с различными сторонами человеческой деятельности» (с. 152). Поэтому и пережитки магии классифицируются автором в соответствии с их назначением. В главе много конкретных сведений, которые показывают разнообразие магических приемов, соблюдавшихся в прошлом осетинами. Магическими предписаниями и запретами были насыщены действия охотников. К различным магическим средствам прибегали и для защиты домашнего скота от волков, болезней и сглаза. Магические действия, направленные на обеспечение благополучия в доме, в основном были приурочены к Новому году. Как и у многих других народов, у осетин в старину была широко распространена любовная магия, проявлявшаяся и в девичьих гаданиях о суженом, и в применении приворотных средств. Во время свадьбы осетины также пользовались различными магическими средстами, чтобы уберечь молодоженов от порчи и обеспечить им благополучную жизнь и потомство. Магию применяли и во время родов. Магические приемы использовали и знахари для лечения болезней. Следует, однако, заметить, что не все приведенные в главе сведения правомерно причислять к магическим. Так, жертвы божеству оспы Аларды (с. 182—183) основаны на анимистическом понимании природы болезней и являются в отличие от магии не принудительным, а умилостивительным способом воздействия на сверхъестественные силы. Материал о жрецах также было бы целесообразнее поместить в первой или третьей главе.

В книге Л. А. Чибирова дана детальная и, видимо, полная картина архаических форм традиционного мировоззрения осетин. Особое внимание автора, как явствует и из названия книги, обращено на древнейшие пласты народных верований. Своим исследованием Л. А. Чибиров вновь подтверждает большие возможности этнографии в изучении культуры человечества на ранних этапах ее развития. «Возраст пережиточного материала, привлеченного в настоящем исследовании, исчисляется тысячелетиями, являясь продуктом разных исторических эпох»,— подчеркивает автор. Это свойство этнографического материала сохранять память об исчезнувших исторических явлениях определено закономерностью, общей для развития человеческой культуры в целом: обычаи и представления не уходят бесследно вместе с породившей их исторической реальностью, а переосмысливаются и используются для новых целей, отражающих изменившиеся интересы общества. «Анализ реликтов ранних форм религии осетин показывает, что они в пережиточном состоянии донесли до нас многие из древнейших религиозных воззрений»,— справедливо утверждает автор. Верования древности неоднократно усложнялись чужеродными наслоениями. О влиянии христианства уже говорилось; прослеживается и влияние ислама. Так, исламом занесены в Осетию термины «дуне» (мир) и «зын» (джинн). Автор показал, что верования осетин «несут на себе следы многовекового взаимодействия с культурами многих народов и свидетельствуют о едином пласте культурных традиций для широкого круга народов Евразии» (с. 202).

Книга Л. А. Чибирова — серьезный вклад в этнографическое религиеведение. Выделив в пестром множестве поверий осетин архаические пласты, Л. А. Чибиров выполнил и задачу методического характера. Читателю ясно видны критерии отбора фактического материала; в авторских комментариях отражены принципы подхода исследователя к анализу собранных данных. Поэтому книга Л. А. Чибирова вызовет живой интерес не только кавказоведов, но и широкого круга специалистов, посвятивших себя изучению ранних воззрений человечества.

В. Н. Басилов

Г. В. Джалабадзе. Путеводитель по этнографическим фондам Государственного музея Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 74 с., XXII табл. илл.

Рецензируемая книга — работа сравнительно редкого в историко-этнографической литературе жанра. Это путеводитель, в котором в живой популярной форме рассказывается об этнографических фондах одного из крупнейших музеев Советского Союза. Ее автор, Г. В. Джалабадзе, прекрасный знаток музейных коллекций, заведующий Отделом этнографии музея, в очень небольшой по объему книге посильно раскрывает перед читателем интереснейший мир культуры кавказских народов.

Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа АН ГССР — первый крупный музей на Кавказе — был открыт в Тбилиси в 1852 г. Уже тогда были заложены основы этнографических коллекций, пополнение которых продолжается по сей день. Так, только за 1966—1980 гг. было приобретено 4183 экспоната. Всего же в 1980 г. в этнографических фондах музея хранилось 25 632 предмета. На сегодняшний день в фондах насчитывается до 32 тыс. экспонатов, которые составляют 9 фондов. Каждому из них автор посвятил особую главу. Это фонды тканей, оружия, деревянных изделий, керамики и изделий из камня и т. д. Десятый фонд — вспомогательный.

В небольшом вступлении автор сообщает некоторые факты истории музея, создания коллекций Этнографического отдела. После установления в Грузии Советской власти этим отделом руководил Г. Чубинашвили; здесь работали молодые ученые: В. В. Бардавелидзе, впоследствии крупный этнограф; Г. С. Читая, ныне академик ГССР; С. И. Макалатия — автор многочисленных работ по этнографии Грузии.

Каждая из глав книги — живой рассказ об экспонатах фондов. Очень интересен рассказ о фонде тканей, где хранятся традиционные грузинские костюмы. Их изучению этнографы всегда уделяли большое внимание. В начале XX в. художник Макс Тильке выполнил по материалам этого фонда серию рисунков, которая была издана в виде цветных открыток в 1936 г. Интересные сведения сообщает автор о цеховых, боевых и культовых знаменах, хранящихся в этом же фонде. Следует отметить, что такие небольшие этнографические экскурсы сопровождают авторский рассказ об экспонатах во всех главах книги, делая более живой подчас сухую информацию о музейных фондах.

Один из крупных фондов музея (около 3 тыс. ед. хранения) — фонд оружия. В нем хранится холодное и огнестрельное оружие разных народов Кавказа от периода средневековья до XX в., а также экипировка воинов. В фонде деревянных изделий представлены грузинские пахотные орудия, мебель и посуда, богато орнаментированные, мерки для сыпучих тел, деревянные штампы, которые использовали для набойки шелковых и хлопчатобумажных тканей, детские колыбели, традиционные музыкальные инструменты и т. п. Рассказывая о фонде керамических и каменных изделий, Г. В. Джалабадзе называет отрасли гончарного производства, указывает центры керамического производства, пути и способы перевозки керамических изделий. Здесь же приведен список коллекций керамики, поступивших после 1940 г.

Главы путеводителя неравноценны по объему и содержанию. Особенно невелики обзоры фондов кожаных и меховых изделий — менее одной страницы. Описанию вспомогательного фонда, в котором хранятся рисунки, чертежи, фотоальбомы, картины, отведено менее двух страниц. Не во всех главах указано общее число единиц хранения, что было бы необходимо сделать. Думаю, что такой минимальный объем некоторых разделов (а также небольшой объем и всего путеводителя) объясняется не отсутствием интересных материалов, а, видимо, определенным лимитом в объеме со стороны издательства. Между тем знакомство с этнографическими фондами Государственного музея Грузии необходимо не только специалистам. Оно нужно всем, кто интересуется народной культурой. Популяризируя Государственный музей Грузии, столь богатый этнографическими коллекциями, издательство могло бы выпустить книгу бо́льшим тиражом, чем это сделано (8 тыс.), и в улучшенном полиграфическом исполнении, тем более, что путеводитель издан на русском языке и таким образом круг читателей значительно расширился.

Л. И. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Г. Георгиев. София и софиянци. 1878—1944. София: Наука и изкуство, 1983. 413 с., илл.

Известный болгарский этнограф, профессор Георге Георгиев выпустил капитальное исследование по этнографии Софии, которая рассматривается в книге не только как столица и крупнейший болгарский город (софиянцы составляют 11% населения всей страны; по образному выражению автора, «каждый девятый болгарский гражданин живет в Софии» — с. 1), но и как эталон города эпохи капитализма вообще, как образец болгарской городской культуры. Большое значение для урбанистики и этнографической науки в целом имеет четко сформулированная научная позиция Г. Георгиева, рассматривающего городской быт эпохи капитализма как неотъемлемую часть народной культуры. Важной задачей он считает «преодоление ненаучного подхода» буржуазных этнографов, считавших, будто городские быт и культура нивелируют народную культуру, народный быт и потому недостойны изучения (с. 2).

Рецензируемая книга — первый опыт системного исследования проблем этнографии болгарского города периода капитализма во всей ее тематической полноте и хронологической целостности. В основе исследования — широкий круг разнообразных источников. Среди них — материалы непосредственного наблюдения остатков старого быта в современной Софии, позволившие восстановить живые черты многих явлений прошлого; архивные документы софийской общины; периодическая печать исследуемого периода; данные статистики и проведенных в разное время анкетных обследований; обширный изобразительный материал, в особенности фотографии конца XIX — первых десятилетий XX в.